

На правах рукописи

ПАРАМОНОВА Татьяна Александровна

**ПРОЗА А.С. ГРИНА КАК СВЕРХТЕКСТОВОЕ
ЕДИНСТВО**

10.01.01 – Русская литература

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Самара – 2009

Работа выполнена в Самарском государственном педагогическом университете

Научный руководитель — доктор филологических наук, профессор Орлицкий
Юрий Борисович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Пономарева Елена Владимировна

кандидат филологических наук, доцент Доброзракова Галина Александровна

Ведущая организация — Мордовский государственный университет
им. Н.П.Огарева

Защита состоится «24» июня 2009 года в 10 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.218.07 при Самарском государственном
университете по адресу: 443011, Самара, ул. Академика Павлова, 1, зал
заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Самарского
государственного университета.

Автореферат разослан «20» мая 2009 года

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000528808

Ученый секретарь
диссертационного совета

Г. Карпенко

Карпенко Г.Ю.

Общая характеристика работы

В современном литературоведении наблюдается повышенный интерес к многокомпонентным текстовым структурам, включающим в себя систему взаимосвязанных субтекстов. Подтверждение находим в изменении методологии литературоведения последних десятилетий, отстаивающей «презумпцию текстуальности» при анализе того или иного произведения, группы текстов. Тезис М.М.Бахтина о первичности текста для гуманитарных дисциплин развивается в работах Ю.Кристовой и А.П.Люсого, отмечающих актуальность текстуального подхода по сравнению с жанровым, в том числе для определения культуры как совокупности вертикальных и горизонтальных текстов. Таким образом, литературоведение выработало ряд понятий, характеризующих объединения произведений с разной степенью спаянности отдельных элементов в рамках текстового целого.

Одной из таких универсальных «матриц», позволяющих описывать объединения произведений разного уровня в рамках творчества отдельно взятого писателя, является, на наш взгляд, категория *сверхтекстовое единство*, интерпретации которой представлены в работах З.Г.Минц, Ю.М.Лотмана, Ежи Фарино, Р.Г.Лейбова и некоторых других исследователей.

Наша работа посвящена изучению специфики организации прозаического корпуса произведений А.С.Грина в сверхтекстовое единство. Для осмысления не случайно выбрано творчество **Александра Степановича Грина** (1880-1932). Писатель активно изучается академическим литературоведением, и его наследие находится на пике интереса в современной филологической науке. Проза А.С.Грина, отразившая влияние разностилевых тенденций начала XX века, открывает большие возможности для филологического анализа. Александр Грин, являясь уникальным писателем порубежной эпохи, воплотил в своем творчестве противоречия и стилевую эклектичность так называемого «промежуточного феномена» (В.А.Келдыш – Е.Н.Иваницкая) эпохи рубежа XIX-XX веков. Аналитическое применение категории «сверхтекстовое единство» позволяет обнаружить уникальное многокомпонентное единство, которое образуют произведения Грина.

В воспоминаниях Нины Грин приводятся слова Александра Степановича Грина, в которых писатель сравнивает связи, существующие между его произведениями, с паутинными нитями. Это высказывание Грина очень точно характеризует поэтику его прозы. Для произведений А.С.Грина характерны ассоциативность, музыкальность, многоуровневая система повторов, на что указывали некоторые исследователи (В.Е.Ковский, М.В.Саидова, О.Л.Максимова, Л.А.Михайлова и др.), однако попытки рассмотреть специфику организации прозы Грина в уникальное сверхтекстовое единство не предпринималось.

Произведения А.С.Грина объединяются разветвленной системой межтекстовых связей, повышенный коэффициент проявленности которых позволяет говорить о прозе Грина как о сверхтекстовом единстве особого рода,

каждый отдельный текст в котором сохраняет в памяти другие произведения, превращаясь, по определению самого писателя, в «арабески».

Полагаем, что в творчестве Грина важной структурной доминантой, которая обеспечивает спаянность гриновских произведений в сверхтекстовом единстве его прозы, является автоинтертекстуальная проявленность знаков индивидуально-авторского кода. В работе описываются механизмы создания сверхтекстового единства, а также предложен анализ наиболее репрезентативных с точки зрения намеченной проблемы произведений Грина.

Объектом нашего исследования в связи с тем, что стихотворное наследие Грина менее продуктивно в свете проблемы сверхтекстового единства, является корпус прозаических произведений А.С.Грина, участвующих в образовании авторского сверхтекстового единства: рассказы 1908-1933-х годов, романы «Блистающий мир», «Бегущая по волнам», «Золотая цепь», «Дорога никуда»; авторские сборники: «Штурман «Четырех ветров», «Пролив бурь», «Позорный столб», «Искатель приключений», «Загадочные истории», «Сердце пустыни» и др.

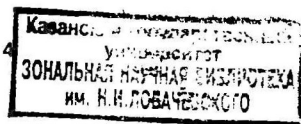
Предметом нашего исследования становятся механизмы создания сверхтекстового единства, элементы индивидуально-авторского кода, которые являются причиной появления художественных единств разного уровня, как в творчестве Грина, так и в произведениях других авторов.

Актуальность исследования определяется неизученностью автоинтертекстуальных связей в творчестве Грина, особая плотность которых позволяет говорить о прозаическом корпусе его произведений как о сверхтекстовом единстве особого рода, необходимо установить место и функции отдельных произведений в этом единстве, а также рассмотреть динамику развития творчества Грина с точки зрения создаваемого писателем сверхтекста, его функционирования.

Цель исследования – установить своеобразие прозы А.С.Грина как единого сверхтекстового образования и выявить механизмы связывания конкретных текстов в этом образовании.

Для достижения цели исследования необходимо решить ряд задач:

- Уточнить содержание понятия «сверхтекстовое единство», сопоставив его с соположенными категориями.
- Определить и описать механизмы создания сверхтекстового прозаического единства Грина.
- Проанализировать специфику автометатекстовых конструкций гриновской прозы.
- Рассмотреть систему индивидуально-авторских локусов прозы Грина как важнейшее текстопорождающее начало сверхтекстового единства, их генезис и динамику.
- Выявить особенности функционирования «сквозных» персонажей в творчестве Грина.
- Определить роль заглавий в образовании сверхтекстового единства Грина.

- Предложить анализ свертыхтекстовых единств разного уровня в рамках авторского свертыхтекстового единства (сборник, циклы и циклические структуры и т.д.).
- Рассмотреть предпосылки выделения Гриновского текста русской литературы и специфику функционирования гриновского кода в творчестве авторов XX-XXI вв.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые предпринимается анализ прозы Грина как особого свертыхтекстового образования, определяются ключевые механизмы его создания. Впервые в гриноведении пространственная организация гриновской прозы рассматривается через категорию «локус», представлена «лексическая экспликация» ключевых индивидуально-авторских локусов Грина. Обосновываются возможности выделения локального текста Гринленда¹, который начинает формироваться в его творчестве. На основе анализа прозы А.С.Грина нами выделяются цикл «Истории о Пик-Мике» и циклические структуры «Истории о Бам-Бране», «Авеле Хоггее», объединенные общностью героев. Впервые вводится понятие «гриновский код», функционирование которого в историко-литературном процессе приводит к формированию Гриновского текста русской литературы.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в диссертационном исследовании предлагается интерпретация категории «свертыхтекстовое единство» как одной из универсальных текстуальных «матриц», позволяющих описывать различные объединения произведений одного автора. В работе предлагается авторская типология свертыхтекстовых единств и анализ этой категории в ряду сопредельных понятий. Значимость исследования состоит в рассмотрении категории «свертыхтекстовое единство» во взаимосвязи с понятием культурного текста.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы для создания школьных и вузовских курсов, спецсеминаров по истории русской литературы первой трети XX века.

Методология исследования в связи с его многоуровневостью представляет собой комплексное сочетание нескольких научно-аналитических методов: историко-литературного, контекстуального, сравнительно-типологического, системно-целостного методов анализа и интерпретации художественного текста. В связи с многоаспектностью решаемых в диссертации задач **методологическую основу** исследования составили работы по отдельным вопросам теории и истории литературы:

- Работы отечественного гриноведения В.Е.Ковского, Н.А.Кобзева, Т.Е.Загвоздкиной, Е.А.Яблокова, Л.А.Михайловой, Е.Н.Иваницкой, И.К.Дунаевской, Г.И.Шевцовой и других.
- Исследования по проблеме текста и границ текста Ю.М.Лотмана, Б.М.Гаспарова, М.М.Бахтина, Ю.Кривековой и других.

¹ Используем орфографию А.С.Грина.

- Работы Ю.М.Лотмана, З.Г.Минц, Е.Фарыно, посвященные изучению сверхтекстовых стихотворных и прозаических единств.
- Статьи и монографии по теории цикла и циклизации М.Н.Дарвина, В.И.Тюпы, Л.Е.Ляпиной, О.Г.Егоровой и других.
- Исследования по теории сверхтекстов В.Н.Топорова, Ю.М.Лотмана, Н.Е.Меднис, В.В.Абашева, А.П.Люсого и других.
- Работы по теории интертекстуальности и типологии межтекстовых связей Ю.Кристевой, Р.Барта, Ж.Женетта, Н.А.Фатеевой, Н.А.Кузьминой и других.

Основные положения, выносимые на защиту

1. «Сверхтекстовое единство» - универсальная филологическая категория, которая продуктивна при анализе совокупности текстов разного уровня в рамках творчества писателя, начиная с простейших типов, соположенных в сборнике произведений, тематических, хронологических единств, заканчивая совокупностью произведений данного автора. В отличие от культурных текстов, одним из условий формирования которых являются интертекстуальные связи, нарративной стратегией сверхтекстового единства А.С.Грина становится автоинтертекст.

2. Проза А.С.Грина, отразившая влияние разностилевых тенденций рубежа XIX-XX вв. и не вписывающаяся в полной мере ни в одно из направлений начала XX века, представляет уникальное многокомпонентное единство, образующееся в результате активизации межтекстовых связей, повышенный коэффициент проявленности которых позволяет говорить о прозаическом корпусе текстов писателя как об уникальном сверхтекстовом единстве.

3. Структурообразующими механизмами, работающими на создание сверхтекстовых единств Грина, становятся знаки гриновского сверхтекста: система индивидуально-авторских локусов, автоматетекстовые конструкции, персонажи.

4. На создание сверхтекстового единства прозы А.С.Грина работает картографируемость его произведений, которая связана с иерархией локусов и формированием особого типа локального текста – Гринленда, представляющего совокупность взаимосвязанных индивидуально-авторских локусов (Лисс, Зурбаган, Сан-Риоль, Покет и др.).

5. Связи, существующие между произведениями Грина, эксплицируются при помощи сквозных героев, сохраняющих в разных произведениях единство психологических, сюжетных и портретных характеристик, и «повторяющихся» типов персонажей. Наиболее функциональным типом героя, обнаруживающим единство созданной Грином локальной модели, создающим образ локально связанной географии, является герой-путешественник и инвариантные ему типы.

6. Характерная для авторов начала XX века тенденция консолидации произведений находит отражение в прозе Грина в стремлении автора связать

свои произведения в многокомпонентное художественное единство. В рамках авторского сверхтекстового единства Грина происходит формирование сверхтекстовых единств разного типа: сборников рассказов, циклов, циклических структур, в основе целостности которых – принцип арабески.

7. Сверхтекстовый характер прозы Грина отражается в рецепции его прозы – в современной писателю литературе и критике, в бардовской поэзии XX века, в лирической прозе 1940-60-х гг., в массовой литературе XX-XXI веков, в литературе при сохранении единого интерпретирующего кода, что позволяет нам говорить о тенденции выделения особого Гриневского текста русской литературы, аналогичного булгаковскому, блоковскому и т.д. Среди основных элементов гриновского кода определяем систему индивидуально-авторских локусов творчества Грина, персонажей, символы и мотивы, «сильные» в интертекстуальном отношении произведения Грина и т.д.

Основные положения диссертации отражены в пятнадцати статьях и *апробированы* в виде докладов на конференциях международного и всероссийского уровня: Всероссийской научной конференции молодых ученых «Проблемы литературы XX века» (Северодвинск, 2003), Международной конференции «Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики» (Гродно, 2004), Всероссийской научной конференции языковедов и литературоведов «Русский язык и литература рубежа XX-XXI веков: специфика функционирования» (Самара, 2005), Зональной конференции литературоведов Поволжья «Вторые Бочкаревские чтения» (Самара, 2006), Международной научно-практической конференции «Гриневские чтения-2006» (Феодосия, 2006), Международной научной конференции «Пушкинские чтения-2007» (Санкт-Петербург, 2007), Всероссийской научной конференции «Виноградовские чтения» (Москва, 2004, 2007), Всероссийской научно-практической конференции «Предромантизм и романтизм в мировой культуре» (Самара, 2008); Зональной конференции литературоведов Поволжья (Елабуга, 2008), Второй международной научной конференции «Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI веков» (Саратов, 2008), Всероссийской научно-практической конференции «Пятые Озобишинские Чтения» (Инза, 2007) и других.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из «Введения», четырех глав, «Заключения», библиографического списка и четырех приложений. Библиографический список насчитывает 246 источников.

Содержание работы

Во **введении** определяются цели и задачи диссертационного исследования, его актуальность и научная новизна темы, характеризуется теоретико-методологическая база, обосновываются практическая и теоретическая значимость исследования, постулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Проза А.С.Грина как сверхтекстовое единство» представлена двумя разделами: общеметодологическим, связанным с

уточнением терминологического аппарата исследования, и литературно-критическим, предлагающим обзор работ по творчеству Грина.

В первом параграфе *«Сверхтекстовое единство как теоретико-литературная проблема»* рассматриваются представления о категории «сверхтекстовое единство», история функционирования термина, а также соотношение с соположенными категориями.

Широкое использование «презумпции текстуальности» Ю.М.Лотмана, позволяет рассматривать в качестве текста совокупность произведений разного уровня. В литературоведении существует ряд терминов, используемых для обозначения специфически организованных текстовых структур с различной степенью спаянности отдельных элементов в рамках общего текстового целого. Для художественных единств, объединенных писателем в целое под одним заглавием, чаще всего употребляется термин «цикл» (М.Н.Дарвин, И.В.Фоменко). Цикл – тип сознательно конструируемого автором художественного целого, в то время как сверхтекстовое единство может характеризовать единство произведений, не обозначенное автором графически. Незафиксированное единство соположенных в рамках авторского сборника произведений, связанных образно, лексически и метрически, рассматривается в литературоведении как сверхтекстовое единство (З.Г.Минц). Таким образом, цикл представляет вариант СТЕ (здесь и далее — сверхтекстовое единство) минимального типа.

Термин *«межтекстовое единство»* используется для обозначения «структурно-семиотического единства» произведений определенного хронологического периода (И.Н.Хольстрем, Ю.В.Шатин). Для обозначения художественных единств исследователи предлагают термин *«метатекст»* или *«метатекстовое единство»*. Так, например, в качестве подобных структурных образований исследователями рассматриваются авторские сборники, альманахи, циклы, журнальные проекты и художественные ансамбли (В.С.Киселев), единство произведений одного жанра: «метароман» В.Набокова, (Вик.Ерофеев), «метароманный цикл» Г.Газданова (И.А.Дьяконова) и другие исследовательские модели. Категория СТЕ позволяет изучать единство произведений, разных как в жанровом, так и в хронологическом отношениях, в рамках творчества отдельно взятого писателя.

Понятие «сверхтекстовое единство» предполагает наличие более широкого контекста, в рамках которого функционирует произведение. В связи с этим полагаем необходимым говорить о типологии сверхтекстовых единств.

1. Сверхтекстовые единства минимального типа – микроциклы в рамках сборников, циклы (З.Г.Минц, Л.Е.Ляпина, М.Н.Дарвин, В.И.Тюпа, О.Г.Егорова и др.).

2. Произведения определенного стиливого, тематического или хронологического единства (Ю.М.Лотман, Ю.В.Шатин и др.): «Южные поэмы» А.С.Пушкина, единство произведений Н.В.Гоголя 1840-х гг.: «Мертвые души», «Выбранные места из переписки с друзьями» и «Авторская исповедь».

3. Единство корпуса стихотворных или прозаических произведений: проза А.Платонова, поэзия Ф.И.Тютчева, стихи В.В.Маяковского (Ю.М.Лотман, Р.Г.Лейбов, Ежи Фарыно, Д.Л.Борноволок, Б.В.Орехов и др.).

4. Совокупность произведений писателя в единстве стиха и прозы, для авторов, художественную систему которых характеризует билингвизм по оси «стих-проза»: единство стихотворных и прозаических произведений Б.Пастернака, А.Блока в интерпретации Н.А.Фатеевой, Д.Е.Максимова.

Преимущества данной категории видим в том, что она применима для описания разноуровневых текстовых феноменов в творчестве, позволяет изучать объединения произведений, целостность которых не всегда фиксировалась писателем. В отличие от метатекстовых образований СТЕ может характеризовать единство произведений разных жанров и, в отличие от категории «межтекстовое единство», написанных в разное время. Кроме того, сверхтекстовое единство коррелирует с категорией «сверхтекст» и связано с «внетекстовыми связями» (термин Ю.М.Лотмана), с системой кодов, обуславливающих единство художественного целого.

Сверхтекст понимается учеными как интегративное, ядерное образование, предполагающее культуроцентричность и соотнесенность с элементами внетекстовой реальности. Сверхтекст – стабильный круг произведений, объединенных общим интерпретационным кодом. Объединяющим началом локальных текстов, среди которых Петербургский, Московский, Крымский, Пермский и другие типы локальных структур, становится локальный код, связанный общим представлением о городе, его мифом, спецификой языковой репрезентации. Персональный сверхтекст структурирует фигура писателя, а также элементы текстовой реальности его произведений: индивидуально-авторские мотивы, герои, специфика локальной организации и проч. В отличие от сверхтекста, который образуют произведения разных авторов, объединенных общим интерпретирующим кодом, сверхтекстовое единство призвано обозначать уникальные текстовые феномены в рамках творчества.

Сверхтекст является культурологической категорией, представляющей совокупность культурных знаков и символов, порождающих культурные тексты. Сверхтекстовое единство – филологическая категория, которая обозначает замкнутое единство, ограничивающееся объемом текстов, созданных автором. Эти категории коррелируют друг с другом в том случае, когда сложившийся в рамках творчества того или иного писателя индивидуально-авторский код оказывается направлен в интертекст.

Таким образом, сверхтекстовое единство – филологическая категория, позволяющая описывать совокупность произведений разного уровня в творчестве писателя. Это может быть результат исследовательской реконструкции, при которой в качестве особого художественного единства рассматривается определенная группа произведений, объединенная общностью локальных, тематических, мотивных и других признаков, или определяемое самим автором единство. Уровнем постижения целостности произведений,

образующих прозаические СТЕ, становятся сквозные герои, общие пространственные параметры, единый повествовательный строй.

Во втором параграфе *«Автоинтертекст как нарративная стратегия создания сверттекстового единства прозы А.С.Грина»* рассматривается характер межтекстовых связей в рамках сверттекстового единства.

Обусловленные спецификой художественного мира отношения эквивалентности произведений одного автора по разным текстовым параметрам характерны в большей степени для некоторых авторов XX века: Б.Пастернака, О.Мандельштама, М.Цветаевой и Александра Грина, в творчестве которого обнаруживаем многоуровневую систему повторов и текстовых переключек. Термин «автоинтертекстуальность» (Н.А.Фатеева) позволяет нам охарактеризовать тип связей, существующих между произведениями в рамках сверттекстового единства.

Таким образом, мы делаем вывод относительно конструктивной функции автоинтертекстуальности в образовании сверттекстовых единств и возможности применения элементов автоинтертекстуального анализа по отношению к прозе А.С.Грина для изучения уникального текстового феномена, формирующегося в его творчестве.

В третьем параграфе *«Проза А.С.Грина как целое в исследованиях литературоведов XX-XXI вв.»* представлен ретроспективный анализ изучения творчества Грина литературоведением с выделением отдельных блоков исследований.

История гриноведения насчитывает почти 90 лет. Первый этап развития науки о Грине представлен историей литературной критики, обзор которой предлагается в первом разделе параграфа и включает рецепцию творчества Грина современниками. Аналитический обзор развития научного изучения наследия Грина представлен во втором разделе на материале работ В.Е.Ковского, Т.Е.Загвоздкиной, Н.А.Кобзева, И.К.Дунаевской, Е.А.Яблокова, М.В.Саидовой, Г.И.Шевцовой и других исследователей. В результате рассмотрения истории развития науки о Грине в параграфе делается вывод о том, что на современном этапе развития гриноведения как науки круг вопросов, связанных с изучением наследия Грина, заметно расширяется и происходит, на наш взгляд, по следующим направлениям:

1. Мотивный анализ (Г.И.Шевцова, Ю.А.Царькова и другие).
2. Мифопоэтический (И.К.Дунаевская, Т.Е.Загвоздкина и другие).
3. Лингвопоэтический (В.А.Романенко, Н.Д.Попа, Л.А.Мельникова).
4. Жанровый (Н.А.Кобзев, Т.Е.Загвоздкина, Т.Ю.Дикова и другие).
5. Кросс-жанровый (Е.А.Яблоков и другие).
6. Культурологический (А.И.Смоленцев, О.Л.Максимова, И.К.Дунаевская и другие).
7. Общеметодологический (В.Е.Ковский).
8. Биографические разыскания и параллели (А.А.Ненада, Л.С.Скепнер, Л.Д.Ковтун, А.Н.Варламов, Л.М.Варламова, Л.А.Михайлова и др.).

Нами предпринимается обзор работ, в которых предложен анализ прозы Грина как единства особого рода, системы. Единство произведений А.С.Грина объяснялось в гриноведении спецификой художественного мира писателя (В.Е.Ковский), слитностью биографии и творчества Грина (Л.А.Михайлова), своеобразием мифопоэтического начала (И.К.Дунаевская), мифом о мире (Т.Е.Загвоздкина), а также гриновским философско-мировоззренческим комплексом, формирование которого тесно связано с философией лимитизма (О.Л.Максимова) и символизмом.

Полагаем, что в творчестве Грина можно говорить о сознательной установке писателя на конструирование сверттекстового единства, подтверждение этому находим в высказываниях писателя. Принципиально важной для понимания своеобразия прозы Грина как сверттекстового единства является «стремление автора создать произведение, стирающее грани между искусством и жизнью, непосредственно и глобально изменяющее мир»².

Таким образом, выявленные в первой главе категории позволяют рассматривать совокупность прозаических произведений Грина в качестве специфически организованных текстовых структур, объединенных автоинтертекстуальными связями, которые находят отражение в специфике механизмов связи произведений в рамках авторского сверттекстового единства.

Вторая глава «Механизмы создания сверттекстового единства прозы А.С.Грина» состоит из четырех параграфов и содержит анализ механизмов создания сверттекстового прозаического единства Грина.

В параграфе *«Автоматетекстовые конструкции в сверттекстовом единстве прозы Грина»* в центре внимания – функционирование в творчестве Грина заглавий, сюжетных схем и пересказ его «сильных» в интертекстуальном плане текстов, что является отражением процесса автокоммуникации.

Грин рассматривается нами как писатель «бетховенского» типа (термин Е.М.Кубарева), для творческой лаборатории которого характерно создание многочисленных вариантов и редакций, дописывание собственных произведений, феномен авторедактуры, связанный с фактом поглотивости одного замысла писателя другим, жанровые трансформации текста. Сделанные замечания позволяют констатировать, что метатекстуальность становится тотальным приемом, который пронизывает творчество Грина, являясь структурообразующим началом сверттекстового единства его прозы. Анализ произведений Грина позволяет говорить об автоинтертекстуальном варианте метатекстуальности. Методика изучения метатекстуальности, предложенная Н.А.Фатеевой, адаптирована нами для анализа гриновской прозы в следующем виде: 1) автопересказ; 2) дописывание собственного произведения; 3) вариации на тему написанных ранее претекстов. Примеры автоматетекстовых конструкций находим в прозе Грина: «Вокруг света» (1916) – «Новогодний праздник отца и маленькой дочери» (1922); «Рай» (1909) – «Приключение»

² Магомедова, Д.М., Тамарченко, Н.Д. «Сверттекст» и «свертдеталь» в русской и западной культуре / Д.М.Магомедова, Н.Д.Тамарченко // Дискурс – №7. – 1998. – С. 24.

(1908); «Слепой Дей Канет» (1916) – «Каждый сам миллионер» (1917) и другие. Рассматриваются автометатекстовые проекции романа «Золотая цепь», отмечается его связь с рассказами «Бунт на корабле Альцест» (1923) и «Обезьяна» (1924).

Рассказ «Встречи и приключения» (1927) технически сконцентрировал основные приемы создания сверттекстового единства Грина как концептуального, так и игрового характера. Грин вместе с героями своих произведений совершает морское путешествие из Феодосии в гриновские города: Мессину, Каперну, Зурбаган, Лисс, Сан-Риоль, а также в Одессу. В рассказе упоминаются произведения Грина 1920-х годов: «Алые паруса» (1923), «Золотая цепь» (1925), «Блестящий мир» (1923), «Бегущая по волнам» (1928), рассказы «Пропащее солнце» (1923) и «Капитан Дюк», – с элементами текстовой реальности этих произведений, включая их автопересказ и креативное дописывание.

В результате анализа гриновской прозы нами обнаружены формы автометатекстуальности: авторедактура, дописывание ранее намеченной сюжетной модели; вариации на тему претекстов, автопересказ, переписывание финала собственного произведения, что является, по нашему мнению, отражением работы Грина над природой сверттекстового единства его прозы.

Во втором параграфе *«Система индивидуально-авторских локусов как механизм создания сверттекстового единства прозы Грина»* в качестве текстопорождающего механизма единства гриновской прозы рассматривается совокупность индивидуально-авторских локусов. В параграфе предложен обзор взглядов литературоведов на категорию пространства и специфику пространственной организации гриновских произведений. В гриноведении особенности пространственной организации произведений Грина предложены преимущественно через замечания о мире Гринландии, являющейся, как было установлено нами, примером локального текста. На создание сверттекстового единства прозы Грина работает картографируемость пространства его произведений, которая связана с иерархией локусов. Появление первого индивидуально-авторского локуса Грина – Острова Рено – происходит параллельно с появлением образа тропической страны («Воздушный корабль» (1909)), противопоставляемой российской действительности. Взятая в диахроническом срезе, локальная модель гриновского текста рассматривается нами в виде системы взаимосвязанных локусов с разной степенью экспликации признаков и функций.

Локусы Грина характеризует: 1) единство признаков текстовой репрезентации; 2) принадлежность Гринленду, который в прозе Грина 1920-х годов позиционируется как полуостров; 3) крымский подтекст географии Грина; 4) тесная взаимосвязь локусов в составе единого локального текста. Выявленные тенденции подтверждают нашу гипотезу о формировании в творчестве Грина особого типа локального текста, отдельные локусы которого связывают произведения в сверттекстовом единстве его прозы.

На связь локусов в единый локальный текст указывает, например, существование дорог между городами, водных бассейнов или воспроизведение локуса в контексте других индивидуально-авторских городов и географических объектов.

Локусы Грина коррелируют с Крымским текстом русской литературы. Гринковский локальный текст связан с мотивами «пути», «экспансии» и «путешествия». Миф Александра Грина – это, прежде всего, миф об обживании и освоении нового пространства гриновского сознания в его связи с реальными и вымышленными географическими объектами.

В третьем параграфе *«Функционирование героя в сверхтекстовом единстве прозы А.С.Грина: «сквозные» герои»* рассматривается специфика онимосферы Грина и система гриновских героев, которые обеспечивают наличие связей между произведениями Грина. Исследуются связи Грина с массовой литературой, отмечается ее влияние на гриновской сверхтекст, что находит отражение в пристрастии писателя к экзотическим именам, необычным названиям городов и других географических объектов, которое закономерно вписывается в более поздние искания авторов 1920-х годов, пытающихся найти способы обновления прозы через обращение к экзотике и авантюрно-приключенческим сюжетам. Обращаясь к анализу историко-литературной ситуации 1920-х годов, Б.Эйхенбаум отмечает зависимость литературы этого периода от западной традиции, указывая особое положение Грина в историко-литературном контексте.

Связи, существующие между гриновскими локусами, обнаруживаются при помощи героев, которые классифицируются нами следующим образом: 1) «сквозные» герои, появляющиеся в контексте разных произведений при сохранении портретной, психологической характеристик и сюжетных деталей (Капитан Дюк, Тарт, Эли Стар, Авель Хоггей, Пик-Мик, Энох, Фергюсон и другие); 2) «повторяющиеся герои» – типы персонажей (автобиографический герой, романтический герой, неоромантический герой и другие; 3) герои с омонимичными именами.

Наиболее функциональным типом героя, работающим на создание СТЕ Грина, является тип путешественника и инвариантные ему типы: бродяга, моряк, капитан, искатель приключений, – которые создают образ тотально связанной географии, постепенно выкристаллизовывающейся в связи с уточнением локальной составляющей произведений Грина, что объясняет максимальную функциональность этого типа.

Путешествие гриновского героя – это не только способ познания мира персонажем, но и механизм развертывания Грином собственного сверхтекста, уточнения его отдельных составляющих. Герои рассказов Грина 1910-х годов путешествуют как первооткрыватели, обнаруживая локальную составляющую гриновского текста. Персонажи 1920-х перемещаются в пространстве уже по известным маршрутам. В прозе Грина наблюдаем переход от *хорографического* принципа изображения пространства к *картографическому* (термины

А.В.Подосинова), предполагающему перевод путешествия в метафизическую плоскость.

В параграфе *«Заглавия гриновской прозы как система»* описывается специфика отражения авторских стратегий создания сверттекстового единства на уровне заголовочного комплекса.

Заглавия Грина отражают влияние разностилевых тенденций, в том числе романтизма и массовой литературы. Сверттекстовый характер гриновской прозы эксплицируется в связи с функционированием в заглавиях его произведений элементов индивидуально-авторского кода: героев, локусов, ключевых мотивов. Наиболее распространенными в творчестве Грина являются характерологические заглавия (*«Баталист Шуан»* (1915), *«Пьер и Суринэ»* (1916), *«Наивный Туссалетто»* (1913), *«Капитан Дюк»* (1912), *«Рене»* (1917) и другие). Внутри этих заглавий необходимо выделить «нарративную группу», для которой характерно указание на повествование о герое, например: *«Жизнь Гнора»* (1912), *«История Дегжа»*, *«История Таурена»*, *«Легенда о Фергюсоне»*, *«Наследство Пик-Мика»* (1915), *«Приключения Гинча»* и другие. Заглавия произведений второй группы, обеспечивающей связи между произведениями Грина, содержат указания на экзотические и индивидуально-авторские локусы и отражают динамику локальной организации гриновской прозы.

В качестве основных уровней постижения единства произведений Грина нами рассматриваются автометатекстовые конструкции, система индивидуально-авторских локусов, сквозные персонажи, функционирование которых обеспечивает спаянность произведений в сверттекстовом единстве прозы и позволяет говорить о формировании и динамике в творчестве Грина особого индивидуально-авторского кода.

Третья глава «Сверттекстовые единства прозы А.С.Грина» посвящена анализу художественных единств в рамках авторского сверттекстового единства А.С.Грина.

В первом параграфе *«Проза А.С.Грина в контексте художественных исканий начала XX века, рубежа XIX-XX вв.»* предложен контекстуальный анализ гриновской прозы. Проза Грина полиативна по отношению к разнородным направлениям и тенденциям литературы рубежа XIX-XX вв.: символизму, неоромантизму, акмеизму, импрессионизму, формируется в рамках массовой литературы и в то же время преодолевает ее влияние, отражая свойственное авторам начала XX века стремление к художественному синтезу. Кроме указанных исследователями особенностей гриновской прозы, в параграфе анализируется влияние поэтической культуры на структуру прозы Грина, которое рассматривается в контексте художественных исканий А.Белого, А.Блока и некоторых других авторов начала XX века. Влияние стихового начала находит отражение в прозе Грина в многоуровневой системе повторов, повышенной ассоциативности его произведений, в появлении стихового начала в структуре прозаических произведений. Экспериментальное отношение Грина к слову находит отражение в стихотворных пародиях (*«Элегия»*), в синтетических жанровых формах (рассказ в стихах / поэма *«Ли»*), в отрезках метризованной

речи в структуре прозаических произведений Грина («Рай», «Воздушный корабль», «Дикая мельница», «Отшельник Виноградного Пика» и др.). Указанные наблюдения над природой гриновской прозы позволяют нам сделать вывод о ее орнаментализме (в терминологии Н.А.Кожевниковой, Л.А.Новиков, Ю.Тынянова) или стихоподобии (Ю.Б.Орлицкий). В творчестве Грина существует авторская номинация создаваемого писателем единства – «арабески», которая отражает поэтологические характеристики его прозы и организует разнородные единства Грина.

В параграфе *«Сборник рассказов А.С.Грина как вариант сверттекстового единства»* рассматриваются механизмы создания единства авторских сборников. Сверттекстовый характер прозы Грина актуализирует в его творчестве тенденции консолидации произведений, свойственные литературе начала XX века – 1920-х гг. В творчестве Грина существуют заданные автором художественные единства: циклы, авторские сборники, собрания сочинений, а также циклические структуры, произведения которых обнаруживают тенденцию к циклизации, несмотря на то, что единство произведений не отражается в письменной фиксации их единства Грином. Сборник рассказов Грина представляет концептуальное объединение произведений в рамках художественного целого.

Одним из важных способов текстообразования сборника рассказов является единство авторского замысла, согласно которому Грин отбирал произведения, иногда разные по хронологии, для включения в сборник, который становится контекстом реализации знаков индивидуально-авторского кода: локусов, героев, мотивов, символов. Структура сборников и принцип номинации большинства из них однотипны. Сборники Грина состоят в основном из произведений, ранее печатавшихся писателем в периодике: «Пролив бурь» (1909-1913), «Позорный столб» и «Знаменитая книга» (1908-1913), «Брак Августа Эсборна» (1916-1926) и др. Фактом сознательной работы над единством сборников является корректировка писателем заглавий отдельных произведений или авторедактура («Повесть, оконченная благодаря пуле»), связанная с рефлексией писателя по поводу своих ранних произведений, которые со временем могут не отвечать представлениям о воплощении нового художественного замысла. Заглавия сборников Грина отражают способ интерпретации писателем сверттекстового единства. От конструктивного в раннем творчестве мотива смерти, являющегося доминантным для ранних сборников Грина («Штурман «Четырех ветров», «Пролив бурь»), и преобладающим по отношению к мотивам жизни и любви писатель переходит в зрелом творчестве к мотивам «зерна», творимой утопии («Сердце пустыни»).

Нами выявлены следующие механизмы связи произведений в рамках авторских сборников Грина: 1) активное авторское начало, подразумевающее создание художественных единств, отвечающих авторскому замыслу и являющихся контекстом реализации индивидуально-авторского кода; 2) специфика локального компонента, связанного, начиная со сборника «Штурман «Четырех ветров», с формированием индивидуально-авторской локальной

модели; 3) мотивно-тематический принцип; 4) персонажный, заключающийся в функционировании сквозных героев и героев определенного типа; 5) графическая акциденция как маркер природы единства авторского сборника.

В параграфе *«Циклические структуры в сверхтекстовом единстве прозы А.С.Грина»* рассматривается вторичный цикл «Наследство Пик-Мика» (1915) и циклические структуры, связанные с функционированием сквозного героя в прозе Грина.

«Наследство Пик-Мика» состоит из шести рассказов («Ночная прогулка» (1915), «Интермедия» (1912), «На американских горах» (1915), «Событие» (1909), «Вечер» (1910), «Арвентур» (1910)), открывающихся предисловием и объединенных фигурой рассказчика. Рассказы, входящие в цикл, первоначально печатались Грином с 1909 по 1915 годы как самостоятельные произведения в периодике. В 1915 году для публикации в авторском сборнике «Загадочные истории» рассказы объединены в цикл и расположены в соответствии с авторским замыслом. Рассказы «Ночная прогулка» и «На американских горах», а также предисловие написаны А.Грином специально для цикла «Наследство Пик-Мика». Предисловие содержит стратегию восприятия цикла в качестве «записок» главного героя. Некоторые рассказы при включении в контекст цикла претерпели изменения и на уровне заголовочного комплекса, как, например, рассказ «Петух», который был издан в 1912 году под заглавием «Интермедия» и под этим заглавием вошел в цикл. Рассказы объединяет форма повествования от первого лица, единство психологических, поведенческих характеристик героя, акцентирование внимания на внутренних переживаниях героя, на процессе повествования. К циклу примыкают рассказы «История Таурена (Из похождений Пик-Мика)» (1913) и «Убийство в рыбной лавке (Действительное происшествие в городе Зурбагане, пережитое другом автора, учителем математики Пик-Миком. Изложено А.С.Грином)» (1915). Это наиболее показательный пример циклизации, который нашел отражение в графической фиксации единства.

Тенденция циклизации наблюдается в прозе Грина при функционировании сквозного героя: Бам-Грана («Ива» (1923), «Фанданго» (1927), черновые варианты романа «Блещающий мир»), Капитана Дюка («Капитан Дюк», «Корабли в Лиссе», «Встречи и приключения»), Авеля Хоггея («Пропавшее солнце», «Гладиаторы», «Встречи и приключения»), Аспера («Лабиринт», «Вперед и назад») и других персонажей. Образование циклических структур в прозе Грина связано с воспроизведением единой сюжетной модели. Это положение рассматривается нами на примере совокупности текстов с единым сюжетным инвариантом - ситуации нравственного эксперимента или заключения пари, которые организуют сюжеты рассказов «Колония Ланфиер», «Гладиаторы», «Вокруг света», «Пропавшее солнце», «Пари», «Бархатная портьера», «Зеленая лампа».

Таким образом, мы приходим к выводу, что процесс образования авторских художественных единств, исследуемый нами в творчестве Грина, рассматривается как отражение общелитературной тенденции объединения или

консолидации произведений (Е.В.Пономарева), характерной для авторов рубежа XIX-XX вв.

Четвертая глава «Гриновский код русской литературы» посвящена предпосылкам выделения гриновского кода и шире – сверхтекста русской литературы, определению его отдельных составляющих.

В первом параграфе «*Предпосылки выделения гриновского кода русской литературы: «знаки», тексты, авторы*» в качестве предпосылок формирования гриновского сверхтекста рассматривается широкая представленность в интертексте единого интерпретирующего гриновского кода. В параграфе предложен обзор авторов, в чьем творчестве наблюдается функционирование знаков гриновского кода. Сверхтекстовый характер прозы Грина находит отражение в рецепции его произведений. В результате историко-литературной ретроспекции нами выявлены основные этапы функционирования индивидуально-авторского кода Грина: 1) Творчество писателей-современников Грина 1930-х гг.; 2) Произведения представителей лирической прозы 1940-1960-х гг.; 3) Бардовская поэзия 1950-60-х годов; 4) Поэзия и проза 1970-х; 5) Современная литература конца XX – начала XXI вв., в том числе сестература.

Во втором – «*Отражение сверхтекстового характера гриновской прозы в креативной рецепции XX-XXI вв.*» – и третьем – «*Гриновский код сестературы*» – параграфах приводятся варианты частных анализов рецепции гриновской прозы (на примере романа Л.Острецова «Все золото мира, или Отпуск в Зурбагане», повести Ю.Коваля «Суер-Вьер», приключенческих романов В.Аксенова «Мой дедушка – памятник», «Сундучок, в котором что-то стучит», рассказа Марты Шарлай «Ассоль».

Как видим, актуализация гриновского кода связана с пульсацией в истории литературы неоромантических тенденций, что во многом обусловлено «компенсаторным» характером творчества Грина. Рецепция гриновского кода проходит по двум направлениям – в использовании готовых моделей и формул, созданных Грином, и в виде творческого осмысления гриновского наследия. Один из вариантов креативной рецепции произведений Грина заключается в создании вымышленных населенных пунктов, в том числе представителями бардовской поэзии.

Заключение подводит итоги предпринятому исследованию.

Применение категории «сверхтекстовое единство» оказывается продуктивным для аналитического описания многокомпонентных текстовых феноменов, отражающих типологические закономерности развития литературы. В результате подобного подхода мы устанавливаем, что проза Грина содержит знаки индивидуально-авторского кода, которые не только обеспечивают наличие связей между произведениями в рамках авторского сверхтекстового единства, но, функционируя в интертексте, участвуют в образовании культурных текстов разного типа.

Приложения содержат иллюстративные материалы к диссертации: Приложение №1. Сверхтекстовое единство и сверхтекст; Приложение №2.

Функционирование индивидуально-авторских локусов А.С.Грина; Приложение №3. Стиховое начало в прозе А.С.Грина; Приложение №4. Гринковский код современной русской литературы.

Основные положения диссертации изложены в 15 публикациях.

а). Работы, опубликованные в ведущих периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования РФ:

1. Парамонова, Т.А. Проза А.С.Грина как сверхтекстовое единство (на материале романа «Золотая цепь») / Т.А.Парамонова // Вестник Самарского государственного университета: Гуманитарная секция / Гл. ред. Г.П.Яровой; отв. секретарь Э.Л.Дубман. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. №1 (60). – С. 101-108.

2. Парамонова, Т.А. Система индивидуально-авторских локусов как механизм создания сверхтекстового единства прозы А.С.Грина (на примере локусов «Лисс» и «Зурбаган») / Т.А.Парамонова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. «Педагогика и психология». «Филология и искусствоведение» / Гл. ред. В.П.Шорин, отв. ред. О.М.Буранок. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2008. №1 – С. 279-287.

б). Работы, опубликованные в международных, российских и региональных изданиях, вузовских журналах и сборниках:

3. Парамонова, Т.А. Рассказ А.С.Грина «Встречи и приключения» (К вопросу о сверхтекстовом единстве прозы писателя) / Т.А.Парамонова // Бочкаревские чтения: Материалы XXX Зональной конференции литературоведов Поволжья 6-8 апреля 2006 года. Том второй. Самара: Изд-во СГПУ, 2006. – С. 78-89.

4. Парамонова, Т.А. Сборник «Искатель приключений» (1916) в контексте сверхтекстового единства прозы А.С. Грина / Т.А.Парамонова // Александр Грин: судьба и творчество. Статьи, очерки, исследования / Сост. А.А.Ненада. – Феодосия: Издательский дом «Коктебель», 2008. – С. 109 – 118.

5. Парамонова, Т.А. Автометатекстовые конструкции в сверхтекстовом единстве прозы А.С. Грина / Т.А. Парамонова // Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI веков [Текст]: Сб. науч. тр. Выпуск II / Сост., отв. редактор проф. А.И.Ванюков. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. – С. 178-181.

6. Парамонова, Т.А. Циклические структуры в сверхтекстовом единстве прозы А.С. Грина / Т.А. Парамонова // Пушкинские чтения-2007. Материалы XII международной научной конференции «Пушкинские чтения» (6-7 июня 2007 г.) / Под. общ. ред. В.Н.Скворцова; отв. ред.: Т.В. Мальцева. – СПб.: ЛГУ имени А.С.Пушкина, 2007. – С. 169-174.

7. Парамонова, Т.А. Сверхтекстовое единство прозы в романе А.С. Грина «Золотая цепь» / Т.А.Парамонова // Русская литература XX века: восприятие, анализ и интерпретация художественного текста: Материалы X Волгоградских чтений: 15-17 ноября 2007 года. Отв. ред. Н.М. Малыгина. – М.: МГПУ, 2007. – С. 120-125.

8. Парамонова, Т.А. Сверхтекстовое единство прозы А.С. Грина в контексте поэтики массовой литературы / Т.А. Парамонова // Материалы XXXI Зональной конференции литературоведов Поволжья: В 3 ч. Ч.2 / Предисл. А.М.Калимуллина. – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. – С. 266-272.

9. Парамонова, Т.А. Анализ рассказов А.С.Грина с позиции метра и ритма (Проблемы взаимодействия стиха и прозы) / Т.А.Парамонова // Проблемы литературы XX века: в поисках истины: Сборник материалов по результатам Всероссийской научной конференции молодых ученых «Проблемы литературы XX века»/ Сост. и отв. ред. Э.Я. Фесенко. – Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2003. – С. 242 -250.

10. Парамонова, Т.А. Стиховое начало малой прозы А.С. Грина или приемы стихотворной организации прозаического текста // Сборник материалов по результатам VIII Международных Виноградовских чтений 2004. – М.: Изд-во МГПУ, 2004. – С. 87-91.

11. Парамонова, Т.А. Стиховое начало малой прозы А.С. Грина / Т.А.Парамонова // «О вы, которых ожидает отечество...»: Сборник работ молодых ученых, аспирантов, соискателей и студентов. – Вып.5. – Самара: Изд-во НТЦ, 2004. – С. 168-171.

12. Парамонова, Т.А. Художественный мир Александра Грина / Т.А.Парамонова // Сборник материалов по результатам международной научной конференции «Взаимодействие литератур в мировом процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики»/ Отв. ред. Т.Е.Автухович, А.И.Смирнов. – Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2004. – С. 278-283.

13. Парамонова, Т.А. Александр Грин и Эдгар По. Опыт сопоставительного анализа: «Имение Хонса» и «Падение дома Ашеро» / Т.А.Парамонова // Предромантизм и романтизм в мировой культуре: Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию профессора И.В.Вершинина: В 2 т. – Т. 1 / Ред. коллегия: А.Л.Гринштейн, М.А.Кулинич, О.М.Буранок (отв. редактор). – Самара: Изд-во СГПУ, 2008. – С. 178-183.

14. Парамонова, Т.А. Опыт целостного анализа эпического произведения: рассказ А.Грина «Канат» / Т.А.Парамонова // Русский язык и литература рубежа XX-XXI веков: Специфика функционирования: Всероссийская научная конференция языковедов и литературоведов (5-7 мая 2005 года). – Самара: Изд-во СГПУ, 2005. – С. 448-451.

15. Парамонова, Т.А. «Стихия бессознательного» как сюжетообразующее начало в рассказе А.С. Грина «Крысолов» / Т.А.Парамонова // «О вы, которых ожидает отечество...»: Сборник научных работ молодых ученых, аспирантов, соискателей и студентов. – Вып.6. – Самара: Изд-во НТЦ, 2005. – С. 116-119.

1.2.2

Подписано в печать 13 мая 2009 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная. Объем 1 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № 1676
443011 г. Самара, ул. Академика Павлова, 1
Отпечатано УОП СамГУ